

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-8-18

УДК 316.42 (316.014)

МАЛЫЕ НАРОДЫ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТДАЛЕННЫХ ПОСЕЛКАХ

Цылев В.Р.

В статье показано, какие проблемы жизнедеятельности испытывают малые народы Кольского Севера, проживающие в отдаленных поселках, в условиях трансформационных процессов в Российском обществе. Становление рыночных отношений привело Европейский Север России к серьезным социально-экономическим трудностям в связи с низкой рентабельностью северных производств. Особенно сильно кризисные явления проявляются в жизни отдаленных поселков, основную часть жителей которых составляют малые народы. В работе представлены результаты качественного социологического исследования, проведенного с использованием методов включенного наблюдения, интервью и визуального метода (фотографирования) в отдаленном селе Мурманской области. Выделены две противоположные тенденции в жизни села: одна указывает на значительное снижение его социально-экономического потенциала (сокращение населения, производства, ветшание жилого фонда и пр.), другая отражает проявляющиеся черты процесса развития села (строительство храма, детского сада, открытие магазинов с хорошим снабжением, активное использование населением бытовой техники и др.). Наличие позитивных тенденций указывает на то, что жители вырабатывают жизненные практики, позволяющие им адаптироваться к новым условиям жизни. Анализ этих практик показал, что их основу составляют традиционные способы жизнедеятельности малых народов (личное оленеводство, рыболовство, сбор ягод). Данные практики позволяют обеспечить жизнь местному населению и поддерживают существование поселка в целом, но они не являются официальной занятостью, не предоставляют никаких социальных гарантий и являются непривлекательными для молодежи. Придание им статуса официальности может стать важным ресурсом для выживания малых северных поселков в новых социально-экономических условиях.

Ключевые слова: малые народы Севера; традиционное природопользование; проблемы социально-экономического развития; жизненные практики.

INDIGENOUS PEOPLES OF THE KOLA NORTH: PROBLEMS OF VIABILITY OF REMOTE VILLAGES

Tsylev V.R.

The article shows life problems of Arctic indigenous peoples, who lives in remote villages of the Murmansk region in conditions of transformation processes in the Russian society. It presents results of qualitative research, carried out by the author in the remote village of Murmansk Region, by employing the method of participant observation, interviewing, as well as visual ethnography (photographic documentation). Two contrasting tendencies have been revealed in the life of the village. One of them suggests a down trend in its socio-economic potential (diminishing population, productive capacities, ageing of residential infrastructure, etc.). The other indicates the presence of development processes, improvements (a new church is under construction, new, well-stocked shops are appearing, villagers are increasing their use of household appliances, etc.). Positive trends indicates that residents found life practices to adapting to the new conditions of life. Analysis of these practices showed that a lot of them are based on traditional life ways of small nations (private reindeer herding, fishing , berry picking). These practices allow to provide a life to local population and support the existence of the village, but they are not formal employment and do not provide any social guarantees. It will be useful to give them the official status for detecting the resource of development the remote villages.

Keywords: *numerically small peoples of the North; traditional land-use; problems of socio-economic development; daily practices.*

Введение

Наверное, практически все исследователи, изучающие региональные особенности социально-экономического развития, отмечают, что Европейский Север является одним из тех регионов страны, которые в новых экономических реалиях, связанных со становлением рыночных отношений, испытывают серьезные трудности. Это связано с тем, что, несмотря на наличие богатых природных ресурсов, северные производства требуют относительно больших капиталовложений, жизнь на Севере более дорогая, и поэтому продукции, произведенной на северных территориях, сложно конкурировать с товарами, произведенными в более благоприятных условиях [3, с. 229]. В советское время развитие северных территорий было в числе приоритетных стратегических планов государства, поэтому для реализации этих планов осу-

ществлялась значительная финансовая поддержка. Вращенный в таких условиях, Север в его нынешнем обличье, оказался не готовым к самодостаточной эффективной жизни в условиях рыночной экономики, поэтому сейчас исследователи говорят о «проблемном характере развития Европейского Севера» [10, с. 55]. Относительно низкая рентабельность жизни на Севере приводит к свертыванию производств, демилитаризации Севера, и как следствие, к снижению численности населения. Конкуренцию выдерживают только те производства, которые связаны с использованием (разработкой) уникальных природных ресурсов (добыча редких полезных ископаемых, вылов семги и т.п.).

Проблемы северных регионов находят свое отражение в идентификации населения: «Люди, приехавшие на Север для самореализации или для решения материальных проблем, сегодня воспринимают не только свое личное положение как нестабильное, но и не верят в будущее своих городов и поселков, а нередко и в будущее региона в целом» [10, с. 56]. С другой стороны, значительная часть населения северных территорий, призванного в советское время на Север для реализации государственных стратегических задач по его освоению, успело адаптироваться к северной жизни и укорениться. Многие представители поколений, рожденных на Севере (число которых доходит уже до трех-четырех), уже воспринимают Север своей малой родиной, в которой находится их отчий дом, и с которой они связывали свою будущую жизнь и жизнь своих детей. В сложившихся условиях проблемы жизни на Севере становятся их личными проблемами, и дальнейшая их жизнь во многом обуславливается стратегическими планами государства в отношении будущего Севера, которые до сих пор строго не определены.

Возникает противоречие между высоким потенциалом Севера в отношении богатых природных ресурсов и невозможностью эффективной реализации этого потенциала на рыночных основаниях в условиях отсутствия государственной поддержки. Проблема усугубляется тем, что наблюдаемое кризисное развитие Севера приводит к упадку инфраструктур, созданных с большим трудом в советское время. Т.е. недостаток внимания к Северу и его проблемам может привести к тому, что в дальнейшем, при появлении необходимости освоения Севера, многие инфраструктуры придется создавать заново, что потребует новых больших капиталовложений. Создавшаяся ситуация очевидно показывает, что «необходима новая генеральная идея (парадигма) развития Севера России» [7]. А пока о необходимости этой новой парадигмы идут теоретические дискуссии, северяне, ориентированные на дальнейшую жизнь на Севере, пытаются адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям и ищут новые ориентиры в своей жизни и подходящие практики выживания.

Кризисные явления, происходящие на Европейском Севере, в полной мере затрагивают и коренные малочисленные народы. Освоение Севера в советское время сопровождалось, с одной стороны, вытеснением коренного населения с территорий, представляющих промышленный интерес, а с другой стороны, активными попытками социализировать местное население и подключить его к активному строительству социализма и коммунизма. Такое вмешательство в жизнь малых народов нарушало привычный уклад их жизни и способствовало вырождению культуры, понимание чего пришло только к 70–80-ым годам прошлого столетия. Л.Н. Гумилев в своем интервью говорил, что «нужно охранять не культуру, а сами этносы и их ареалы, которые, как мы понимаем, часть их этнической истории. Тогда сохранится и культура. Так вот, не надо сосредоточиваться на охране памятников материальной культуры северных народов. Нравственным будет сохранить эти народы в органичной для них среде обитания такими, какие они есть. У них свои, выработанные полуторатысячелетием, стереотипы поведения, свои психологические установки – не надо их ломать, предлагая взамен наши на том только основании, что наши связаны с лучшей техникой и наукой» [2, с. 26].

К сожалению, это понимание пришло, когда жизнь коренных малочисленных народов Севера была уже существенно изменена в сторону ассимиляции, и в их жизнедеятельность были внедрены социалистические способы хозяйствования: оленеводческие совхозы, рыболовные артели и т.п. Созданные структуры были малоэффективными и сохраняли свою устойчивость благодаря постоянной государственной поддержке. В условиях перехода к рыночной экономике и фактического прекращения (или существенного сокращения) государственных дотаций эти хозяйственные структуры стали быстро разваливаться, и коренное население Севера оказалось в крайне сложном положении: прежние традиционные способы хозяйствования были разрушены, а созданные в советское время оказались нежизнеспособными. Поэтому перед местными жителями остро встала задача поиска новых экономических механизмов обеспечения жизнедеятельности. Усложняет ситуацию продолжающееся вытеснение малых народов с мест традиционного землепользования, что локально вызвано промышленной экспансией или ее экологическими последствиями [6], а так же развитием туристического бизнеса, и, прежде всего, рыболовного и охотничьего туризма.

Методологические основания исследования

Все выше отмеченные проблемы в полной мере относятся и к Кольскому Северу, как части Европейского северного региона. Особенно остро данные проблемы проявляются в жизни небольших поселков, населенных преимущественно представителями малых народов Севера.

В Мурманской области к коренному населению Севера относят только народ саами. К малым народам Севера, кроме саамов, относят также коми-ижемцев, которые наряду с саамами составляют основу населения тундровых поселков. Примерами таких поселков в Мурманской области могут являться села Ловозеро и Краснощелье, основным занятием населения которых в прошлом столетии являлось оленеводство, рыболовство и сопутствующие производства (молочная ферма, звероферма и пр.). В этой производственной деятельности со времени перестройки произошли весьма значительные изменения, которые повлекли за собой соответствующие изменения и в жизни населения. Изучением жизни оленеводов Кольского полуострова с начала 80-х годов занимается норвежский исследователь Ю. Константинов. В своих работах он анализирует динамику перехода Кольского оленеводства от интенсивной формы выпаса оленей к экстенсивной, раскрывает возможные причины снижения численности поголовья оленьих стад [5; 13; 14], показывает, к каким изменениям условий жизни оленеводов и их семей (и местного населения в целом) приводят проблемы оленеводства [11; 12].

Среди поселков, заселенных малыми народами Севера, занимающимися оленеводством, по глубине проблем выделяются, прежде всего, отдаленные поселения, которые не связаны всевозможными дорогами с населенными пунктами области (например, Краснощелье, Каневка, Сосновка). В одном из таких отдаленных сел Кольского Севера (в Краснощелье) в июле-августе 2012 года было проведено социологическое исследование, целью которого выступало изучение особенностей жизнедеятельности населения в условиях происходящих трансформационных процессов. Акцент при изучении жизнедеятельности делался на выяснении оценки жителями существующей социально-экономической ситуации в поселке, происходящих изменений в их жизни и выявлении деятельностных практик, с помощью которых они обеспечивают свою жизнь. Исследование было выполнено в качественной стратегии, основным методом сбора эмпирической информации являлось включенное наблюдение, в рамках которого проводились беседы с теми жителями, которые выражали готовность к общению при установлении с ними контактов. Беседы продолжительностью более 20 минут (до 2-х часов) были оформлены в интервью, число которых составило 16. Среди информантов 3 человека имели возраст от 24 до 30 лет, 6 информантов – от 31 до 50 лет и 7 информантов были в возрасте свыше 50 лет. Из числа опрошенных 9 человек имеют национальность коми-ижемцев, 4 – саами. В качестве дополнительного использовался визуальный метод – фотографирование.

Исследование проводилось с опорой на основные принципы качественной методологии [9, с. 197], т.е. в процессе сбора эмпирического материала исследователями делалась попытка погрузиться в мир личностных смыслов информантов и реконструировать их интерпретативную

жизненную позицию. Объем выборки для взятия интервью был ограничен по типу насыщения: опрос был завершён после того, как новая информация в русле решаемых задач фактически перестала поступать [4, с. 58]. Результаты исследования представлены в соответствии с принципами качественной стратегии по типу аналитического описания в классификации А.С. Готлиб [1, с. 146-147], т.е. сделана попытка сохранить основные мнения и позиции информантов с добавлением аналитических комментариев исследователя. В одной из опубликованных статей автором уже были представлены предварительные результаты данного исследования, в которых отражены проблемы в жизни жителей поселка, связанные со свертыванием производства, и выделены тенденции развития новых экономических отношений в жизни села [8]. В данной статье представляемые данные значительно дополнены и полученные в результате исследования выводы расширены.

Описание результатов исследования

Село Краснощелье расположено в сосновом бору в центре Кольского полуострова на берегу реки Поной, окруженное обширными болотами. Сообщение с селом в летнее время возможно только воздушным транспортом (рейсовый вертолет летает раз в неделю), зимой сообщение осуществляется по зимнику. До районного центра Ловозеро – 150 км (это ближайший населенный пункт, который соединен дорогами с другими городами и поселками области). Проживают в селе в настоящее время 420 человек (по итогам переписи 2010 года), по национальному составу это, в основном, коми-ижемцы и саами. Также в селе в небольшом количестве проживают русские, украинцы, белорусы. Основано село было в 1921 году коми, переселившимися с берегов Печоры. В конце 20-х годов в селе был создан оленеводческий колхоз, который все советские годы являлся основным градообразующим предприятием, обеспечивающим жизнь поселка в целом. Большинство остальных производственных объединений (рыболовная артель, молочная ферма, звероферма, строительная бригада и др.) создавались при этом колхозе (впоследствии совхозе).

По воспоминаниям жителей, село своего расцвета достигло к 1980-м годам. В то время там проживало около 1000 чел. Оленеводческий совхоз считался передовым сельскохозяйственным предприятием. поголовье оленей доходило до 35000 голов. При совхозе существовала молочная ферма, численность стада в которой составляла 40 коров, а по свидетельству некоторых жителей в лучшие годы вместе с телятами достигала 200 голов, поэтому молочные продукты даже вывозились в районный центр:

«Ферма была нереальная, 200 коров держали с телятами. Молоко и сливки отправляли самолётом в Ловозеро. Сюда за сливками с области приезжали».

Кроме фермы совхоз содержал цех механизации (с вездеходами и тракторами), дизельстанцию для выработки электричества, мастерскую по пошиву меховой одежды из оленьего меха, звероферму для разведения песцов, рыболовецкие бригады, строительные бригады, мастерскую по изготовлению сувенирных изделий из кости. В поселке работали метеостанция, лесничество, отделения сберкассы и почты, школа, детский сад, Дом культуры, комбинат ремонта бытовой техники, пекарня, магазины. снабжение в магазинах было поставлено на высоком уровне: в село поставлялись дефицитные товары, труднодоступные даже в больших городах:

«в советское время в магазинах дефициты были: и мебельный, и промтоварный, и продуктовый, привозили всё самолетами»

Все эти предприятия в полной мере обеспечивали жителей поселка рабочими местами. Не наблюдалось и большого оттока молодежи: многие выпускники местной школы, получив профессию, возвращались в поселок. С районным центром осуществлялась регулярная всесезонная связь с помощью самолетов Ан-2: в день летало по 6-8 рейсов. В один день утром можно было улететь в Ловозеро, а вечером вернуться.

В целом, в памяти жителей поселка, советское время вспоминается как достаточно благополучное, в которое развитие поселка достигло своего расцвета. В противопоставлении с тем временем современная жизнь оценивается как тяжелая и полная различных проблем.

Основная проблема в поселке – это трудовая занятость. Большинство существовавших предприятий оказались закрытыми, оставшиеся – существенно сократились. Оленеводческий совхоз реорганизован в кооператив, все дополнительные производства при нем убраны, и сам он испытывает большие проблемы.

Описания существующего положения оленеводческого кооператива у опрошенных жителей в деталях значительно расходятся, но общая картина и оценка сложившейся ситуации во многом сходна. Согласно их высказываниям, в последние годы значительно сократилось поголовье кооперативного стада оленей, численность которого жители села оценивают разными цифрами: от 9000 до 17000 голов. Уменьшилось число оленеводческих бригад: в Краснощелье их осталось 4 вместо ранее существовавших шести, в Каневке и Сосновке (на которые распространяется территория Краснощельского оленеводческого кооператива) – 3 вместо шести. Несмотря на такое сокращение бригад, кооператив испытывает потребность в оленеводах. Наверное, это единственный востребованный вид занятости в поселке. Это связано с тем, что работа оленевода тяжелая и связана с большими периодами жизни в тундре со стадом. В то же

время оленеводческие базы находятся в полуразрушенном состоянии, они не ремонтировались и не благоустраивались с советского времени, поэтому молодежь и женщины (в качестве чумработниц) преимущественно отказываются от такой работы.

Наверное, единственным предприятием, входящим в оленеводческий кооператив (по свидетельству информантов), остался забойный пункт, на котором происходит обработка и заготовка мяса забитых оленей. Прекратили свое существование молочная ферма (в селе осталось всего 4 частных коровы), мастерская по пошиву меховых изделий, звероферма, рыболовецкие и строительные бригады, мастерская по изготовлению сувенирных изделий. Цех механизации и дизельстанция выделились в отдельные предприятия. Закрыты лесничество и комбинат ремонта бытовой техники, существенно сократился объем работы (и соответственно, число работающих) в школе, детском саду, отделения почты и сбербанка. Если раньше в отдельных классах школы наполняемость доходила до 15 человек, то сейчас в некоторых параллелях учатся по 2-3 ученика. Согласно высказываниям информантов, большая часть молодежи теперь стремится уехать из села, потому что в селе невозможно найти работу и устроить свою жизнь. В результате существенного снижения численности населения в селе растет число заброшенных домов:

«В селе больше 200 человек пенсионеры, а всего 400 с чем-то человек. <...> домов 40-50 уже пустых <...> в школе мало детей: 2-3 человека в классе, 1-го класса <в этом году> не будет».

«Но здесь вот тенденция численности оттока, конечно... школа закончилась, улетели, уехали и всё. Мало кто возвращается. Единицы возвращаются! Большая часть вымирает, новых нет...».

В беседах с жителями села появляются мысли, что село испытывает крайне тяжелое время и фактически находится на грани своего вымирания. Подтверждение этих мыслей можно найти и в некоторых чертах внешнего облика поселка: в нем можно увидеть заброшенные разваливающиеся дома, ограды, заросшие приусадебные участки, старые сломанные ржавеющие вездеходы и трактора, разрушенные ржавеющие ангары за окраиной села (рис. 1).

Рис. 1. Черты угасания села: ржавеющая разломанная техника и заброшенный дом

Но, вместе с тем, при внешнем знакомстве с селом, в целом впечатления его разрушения не возникает. Наряду с элементами развала и вымирания встречается достаточно много черт, свидетельствующих о возрождении села и даже некотором относительном благополучии жизни.

Так, в селе построен новый большой современный детский сад на 120 мест, строится бревенчатый православный храм самобытным мастером по индивидуальному проекту (рис. 2). В селе работают три магазина, в которых представлен достаточно широкий ассортимент продовольственных и промышленных товаров.

Рис. 2. Черты возрождения села: новый современный детский сад и строящийся православный храм

Электричество в селе вырабатывается дизель-генераторной установкой и подается в дома с 7.00 до 24.00. В селе имеется мобильная связь и Интернет, который, правда, пока работает очень медленно. Лодка с мотором и зимний вид транспорта – снегоход, имеются практически

в каждой семье. Достаточно много ухоженных домов и участков, и их количество заметно превышает число старых разваливающихся строений (рис. 3).

Жители села стремятся приблизить условия своей жизни, насколько это возможно, к городским. На большинстве домов висят спутниковые телевизионные антенны для многоканального приема. В домах активно используется бытовая техника: холодильники, морозильные камеры, печи СВЧ, хлебопечки, современные газовые и электроплиты и даже стиральные машины-автоматы (что оказывается возможным в условиях отсутствия водопровода благодаря изобретательности жителей).

Рис. 3. Черты возрождения села: ухоженные дома и современный личный транспорт

В качестве транспорта активно используются велосипеды, включая современные многоскоростные, и даже легковые автомобили, которые доставляют в поселок по зимнику. Сейчас в селе насчитывается, по оценкам жителей, до 40 автомобилей. Песчаный грунт, на котором расположено село, хорошо выдерживает автомобили, и дороги быстро накатываются как в самом селе, так и в окружающем его сосновом бору.

Село привлекает своей живописной дикой северной природой, экологической чистотой, природными ресурсами (ягоды, грибы, озерная и речная рыба), поэтому летом численность жителей возрастает: в село приезжают на отдых в качестве гостей дети, родственники и знакомые жителей, а также те краснощельцы, которые учатся и работают в других населенных пунктах. Наведываются в село и туристы, которые сплавляются по реке Поной или прилетают на вертолетах.

Две противоположные тенденции в жизни села: угасание и развитие – проявляются достаточно явно и оставляют противоречивое впечатление о его жизни. Символами этих тенденций

могут служить фрагменты облика села, отраженные на фотоснимках: стоящие рядом два сруба колодцев и два моста через ручей: старые и новые (рис. 4).

Поневоле встает вопрос: что же помогает жителям выживать в столь сложное для села время? За счет каких ресурсов жизнь в селе не только не замирает, но даже в отдельных аспектах начинает улучшаться?

Рис. 4. Символы «старого» и «нового» в селе

Занятость жителей села оказалась проблемой, сложной для обсуждения. Информанты неохотно разговаривали на эту тему и жаловались на то, что постоянной стабильной работы, приносящей доход, в селе не хватает. Поэтому, по их словам, значительная часть населения, оставшегося в поселке, вынуждена заниматься временными подработками и различной инициативной деятельностью, которая помогает выживать. Важное место в инициативной деятельности заняли традиционные виды занятости коренного населения Севера: оленеводство, рыболовство и сбор ягод.

Личные олени являются значимой составной частью дохода населения, и наряду с уменьшением поголовья кооперативного стада, число личных оленей, по свидетельству части информантов, увеличивается. Во время забоя жители запасаются мясом на весь год и еще зарабатывают, сдавая его. Рыбалка из традиционных способов природопользования оказывается единственным видом деятельности, которым можно заниматься практически круглый год. На реке можно увидеть много моторных лодок с моторами, на которых рыбаки разъезжают по своим заветным местам (рис. 5).

Рис. 5. *Моторные лодки жителей села на реке Поной*

Основными вылавливаемыми видами рыб являются сиг, хариус, окунь, щука. Пойманную рыбу жители морозят, солят, коптят, она является для них основной пищей и частично они реализуют ее через своих родственников и близких друзей в Ловозеро. В тоже время, с выловом рыбы у местного населения связано много проблем. Основная заключается в том, что вылов ограничен выдаваемыми местным жителям квотами, которые, по их мнению, являются слишком маленькими и несправедливо распределяемыми. Увеличенную квоту могут получить только представители коренных малочисленных народов Севера (к которым относятся только саами), а остальное местное население, в том числе коми, оказываются более ущемленными в своих правах. В результате, вылавливая рыбу для обеспечения своей жизни, местные жители фактически вынуждены становиться браконьерами:

«Мы живем у реки, и, я говорю, официально не можем рыбу ловить, сейчас многим тут раздали квоты, ну, местному населению, не местному, а КМНС – коренным малочисленным народам Севера».

Кроме того, самые рыболовные участки реки заняты под рыболовные туристические базы, на которых вылов рыбы местному населению запрещен:

«Да, вот только недавно, я про письмо говорю: Баренц Беломорский какой-то комитет <выдал квоты> на 0,04 тонны. Это получается – 40 кг я могу поймать, сейчас поехать <и ловить> и то, там написано, в соответствии с правилами о рыболовстве, а в правиле о рыболовстве сказано: «... нельзя ловить рыбу в местах, отведенных для любительского спортивного рыболовства». Вот от Краснощелья до Колмака – уже отведено для любительского спортивного рыболовства <на туристических рыболовных базах>, то бишь я не имею права ловить, только вверх и все».

На этих рыболовных базах происходит лов семги преимущественно по лицензии «поймал – отпустил». А по мнению местных жителей, такой лов наносит серьезный ущерб семге, которая идет на нерест, что ведет к заметному уменьшению рыбных запасов на реке. В целом, рыба кормит местное население и помогает ему выживать, но, наверное, в большей степени за счет нелегального лова, поэтому о вылавливаемой рыбе жители говорят очень неохотно, и этот вид занятости фактически оказывается тeneвым.

Еще одним сезонным видом дохода, связанным с традиционным природопользованием, является сбор ягод. Уже третий год в селе организован прием ягод, и жители активно собирают и сдают морошку и бруснику, которыми богаты окружающие село места. Эти ягоды долго сохраняются, и поэтому в хорошем состоянии могут дожидаться рейса вертолета и быть доставлены в Ловозеро.

Кроме традиционных видов занятости в селе появляются первые ростки предпринимательства. К ним можно отнести частные магазины, фермерские хозяйства, пилораму, гостевой дом для туристов, рыболовный лагерь, а так же эпизодически оказываемые населением трансферные туристические услуги. Наверное, самыми прибыльными предпринимательскими инициативами являются частные магазины, число которых уже достигло трех. В селе сейчас можно купить практически все необходимое, и, несмотря на наценку, товары магазинов пользуются спросом, и во время подвоза нового товара даже возникают очереди.

Фермерство находится в зачаточном состоянии и вряд ли можно ожидать его дальнейшее развитие. Всего три семьи в селе держат коров, и при стоимости 1 литра молока в 40-50 рублей оно с трудом расходуется среди населения. Многие жители предпочитают молоко долгого хранения в пакетах, которое продается в магазинах, т.к. оно не портится. Т.е. фермерство практически не приносит прибыли, а скорее просто дает занятие, которое позволяет выжить:

«это надо считать, ... будет прибыль, или нет, как бы ... живые деньги есть. <...> комбикорм купить надо, сено накопить надо, а чтобы сено косить, надо ездить <т.е. нужен бензин на моторную лодку>».

«А если коров не будет, что мы будем делать? Уже привыкли, так же вот ездешь, сено косишь, так же уже кусты эти вырубаете, что-то делаете, уже какое-то занятие, а потом – просто сидеть? Забить и просто сидеть?»

Производство пиломатериалов на пилораме, по-видимому, может успешно конкурировать с их привозом в летнее время, когда доставка возможна только вертолетом. Но объем работы здесь зависит от потребности населения в досках. Т.е. пилорама может приносить стабильный доход только в том случае, если поселок будет устойчиво развиваться, и жители будут строить какие-то сооружения.

И особое место среди предпринимательских инициатив занимает туризм. Краснощелье, наверное, может иметь перспективы в развитии туризма за счет своего уникального местоположения, если там создать привлекательные туристские маршруты и места отдыха. При этом, население неоднозначно относится к туристам: с одной стороны, жители не желают видеть потока посторонних людей, считая свой поселок местом проживания для избранного круга, а с другой стороны всегда готовы заработать на туристах. Жители, оказывающие туристические услуги, стараются извлечь из них максимум выгоды, чтобы при обслуживании минимального числа туристов получить максимально высокую прибыль. Наиболее распространенными туристическими услугами в летнее время являются рыболовный туризм и трансфер туристов. Рыболовные лагеря на Поное ориентированы на вылов семги, поскольку это наиболее прибыльный вид туризма. Большинство лагерей принадлежат крупным бизнесменам из Мурманска и столичных городов, и посетителей только одного лагеря обслуживают жители Краснощелья. Этот лагерь также ориентирован на преимущественный вылов семги, т.к. такая специализация позволяет получить достаточно большую прибыль при небольшом числе туристов. Подобные лагеря на Поное фактически работают только в начале лета и начале осени, когда проходит ход семги.

Основные выводы

Таким образом, предпринимательские инициативы помогают жителям Краснощелья выжить в существующих кризисных условиях. Но все они не могут рассматриваться как работа, приносящая стабильный доход, пожалуй, только за исключением магазинов. Значимое место в этих инициативах занимают традиционные виды занятости коренных народов Севера (содержание личных оленей, рыболовство и сбор ягод), но они фактически являются дополнительными неофициальными способами зарабатывания денег и помогают населению выживать, но при этом, по существующим порядкам, не могут быть зарегистрированы как постоянная официальная работа, засчитываемая работнику в трудовой стаж и предоставляющая ему социальные гарантии и северные льготы. Поэтому эти практики не являются привлекательными для молодежи, и ими занимается преимущественно только та часть населения, которая осталась жить в Краснощелье и не имеет постоянного официального места работы.

Подводя итог анализу результатов исследования, можно отметить, что отдаленное Кольское село переживает сложный этап своего развития, и жизнь в селе не замирает благодаря, прежде всего, инициативе той части населения, которая его еще не покинула. Особое местоположение села находит свое отражение в сложившейся социально-культурной идентичности населения.

Жители села дорожат своей отдаленностью, в их идентичности присутствует некая гордость и удовлетворенность своей жизнью в столь уникальном месте и отсутствует провинциальность и чувство ущерба, связанное с удаленностью от города. Они могут взять от современной технической цивилизации то, что посчитают для себя необходимым, и, в то же время, сохранить свою обособленность и близость с природой.

Судьба Краснощелья интересна еще тем, что оно аккумулировало в себе жителей из других отдаленных поселков (Поной, Ивановка, Семиостровье), существование которых было прекращено по решению руководства страны в 1960-е – 80-е годы из-за их нерентабельности. Новые поселенцы везли в Краснощелье не только свое имущество, включая целые дома, но также свои самобытные традиции и культуру. В памяти жителей села до сих пор хранится информация об исчезнувших отдаленных поселках, терпеливо выжидая своих исследователей. Как отклик на призыв памяти, в селе по инициативе жителей собираются исторические экспонаты. И, если эта инициатива найдет поддержку, то она вполне может привести к созданию уникального музея истории и культуры Кольской отдаленки.

Рассмотренные в статье проблемы жизнедеятельности населения характерны не только для села Краснощелье. По свидетельству информантов, они проявляются даже в большей степени в селах Каневка и Сосновка, в отдаленных поселках Терского побережья. Возможно ли сохранить жизнь отдаленного Кольского села? Для этого, наверное, нужны какие-то нетривиальные решения. Может быть, возможно как-то легализовать для населения отдаленных поселков формы их традиционного природопользования и засчитывать им эту деятельность как официальную работу, предоставляя им за нее весь пакет социальных гарантий и северных льгот. При этом данную деятельность нельзя обкладывать дополнительным налогообложением, т.к. она имеет невысокую рентабельность (что характерно для большинства деятельностей в северных условиях) и только позволяет обеспечивать свою жизнь. В этом случае у населения появится официальная занятость, связанная с их традиционным природопользованием, отыщется молодежь, желающая жить в селе, а государство получит свою выгоду в том, что жители отдаленных поселков, изъявившие желание остаться в них, сами своим трудом будут поддерживать жизнь своих поселений и тем самым способствовать освоению Российского Севера. Для этого, конечно, необходимо решить проблемы, связанные с основными видами занятости местного населения: оленеводством и рыболовством. Возможно, что проблема с оленеводством может решиться путем узаконивания тенденции уменьшения кооперативного стада и возрастании личного и передачи всех оленей в личное владение. Тогда сами оленеводы будут заинтере-

сованы и в контроле за выпасом оленей, и в увеличении объема сдаваемого мяса. А решение проблем рыболовства, по-видимому, связано со значительным увеличением квот вылова и снижением ограничений по местам лова на реке.

Работы выполнены по проекту № 12-13-51600, поддержанному Правительством Мурманской области и РГНФ по результатам совместного регионального конкурса «Русский Север: история, современность, перспективы» в рамках ведомственной целевой программы «Развитие науки, научно-технической и инновационной деятельности в Мурманской области» на 2012-2014 годы.

Список литературы

1. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. – Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.
2. Гумилев Л.Н., Окладников А.П. Феномен культуры малых народов Севера // Декоративное искусство. 1982. №8. С. 23-28.
3. Дороговцева А.А. Социально-экономический потенциал регионов Европейского Севера и проблемы его использования // Вестник МГТУ. 2005. Т. 8. №2. С. 229-232.
4. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. – СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
5. Константинов Ю.Н. История коллективизированного оленеводства на Кольском Севере: некоторые недоразумения и пустые места // II Ушаковские чтения: Материалы научно-практической межрегиональной историко-краеведческой конференции памяти профессора И.Ф. Ушакова. – Мурманск: МГПУ, 2005. С. 24-28.
6. Куриков В.М. Проблемы сохранения этносов коренных народов Севера // Чиновник. 1999. №399 (6). URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru-ru/issue/1999/03/13/> (дата обращения 22.12.2013).
7. Лаженцев В.Н. Актуальные проблемы Севера (теория и рекомендации) // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2008. №2. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-2/6/6.htm> (дата обращения 22.12.2013).
8. Цылев В.Р. Особенности жизни малых народов Кольского Севера в современных условиях (на примере села Краснощелье) // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 74-83.

9. Цылев В.Р. Трудности в преподавании качественной стратегии исследования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №31. С. 180-199.
10. Шабаетов Ю.П. Народы Европейского Севера России: специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. №2. С. 54-63.
11. Yulian Konstantinov, Vladislava Vladimirova. The NOMAD Expedition: Studying social change in the Russian Far North (Kola Peninsula, NW Russia). Roald Amundsen Centre for Arctic Research, Tromsø, 2008. Pp. 7-8.
12. Yulian Konstantinov. Premonitions of Change: Lovozero Home Talk Twenty Years After., Snow-change. Org, Vaasa, 2011. Pp. 192-197.
13. Yulian Konstantinov. Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula., Tromsø University: Routledge, Tromsø, 2009. Pp. 27-49.
14. Yulian Konstantinov. The Socioeconomic Life of Climate Change: Extensivity in Reindeer Husbandry in Relation to Synergies between Social and Climate Change (Kola Peninsula), Tromsø University: Routledge, Tromsø, 2010. Pp. 44-66.

References

1. Gotlib A.S. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistentsional'nye gorizonty*. [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. – Samara, 2004. 448 p.
2. Gumilev L.N., Okladnikov A.P. *Dekorativnoe iskusstvo* [Decorative Arts], no. 8 (1982): 23-28.
3. Dorogovtseva A.A. *Vestnik MGTU* [Bulletin of the MSTU], no. 2, t. 8 (2005): 229-232.
4. Il'in V.I. *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [Dramaturgy of qualitative field research]. – SPb.: Intersotsis, 2006. 256 p.
5. Konstantinov Yu.N. *II Ushakovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy mezhregional'noy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii pamyati professora I.F. Ushakova* [II Ushakov reading: Proceedings of the inter-regional-historical Studies Conference in Memory of Professor IF Ushakov]. – Murmansk: MGPU, 2005. Pp. 24-28.
6. Kurikov V.M. *Chinovnik* [Officiary], no.399 (6) (1999). <http://chinovnik.uapa.ru/ru-ru/issue/1999/03/13/> (accessed December 22, 2013).
7. Lazhentsev V.N. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Re-

- search Center of Corporate Law, Management and Venture Capital Syktyvkar State University], no. 2 (2008). <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-2/6/6.htm> (accessed December 22, 2013).
8. Tsylev V.R. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of the territory], no. 4 (66) (2013): 74-83.
 9. Tsylev V.R. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], no. 31 (2010): 180-199.
 10. Shabaev Yu.P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], no. 2 (2011): 54-63.
 11. Yulian Konstantinov, Vladislava Vladimirova. *The NOMAD Expedition: Studying social change in the Russian Far North (Kola Peninsula, NW Russia)*. Roald Amundsen Centre for Arctic Research, Tromsø, 2008. Pp. 7-8.
 12. Yulian Konstantinov. *Premonitions of Change: Lovozero Home Talk Twenty Years After.*, Snow-change. Org, Vaasa, 2011. Pp. 192-197.
 13. Yulian Konstantinov. *Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula.*, Tromsø University: Routledge, Tromsø, 2009. pp. 27 – 49.
 14. Yulian Konstantinov. *The Socioeconomic Life of Climate Change: Extensivity in Reindeer Husbandry in Relation to Synergies between Social and Climate Change (Kola Peninsula)*, Tromsø University: Routledge, Tromsø, 2010. Pp. 44-66.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Цылев Виктор Рюрикович, руководитель научно-исследовательской лаборатории социологических исследований, канд. филос. н., доцент

Мурманский государственный гуманитарный университет

ул. Капитана Егорова, д. 15, г. Мурманск, 183720, Россия

e-mail: vrts@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 2794-1724

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tsylev Victor Ryurikovich, Head of research laboratory of sociological researches, Ph.D. in Philosophical Science,

Murmansk State Humanities University

15, Kapitana Egorova street, Murmansk, 183720, Russia

e-mail: vrts@mail.ru

Рецензент:

Терешкина Валентина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления, Мурманского института экономики (филиал НОУ ВПО Санкт-Петербургского университета управления и экономики)